

НАША ИСТОРИЯ

УДК 02(470)(092)

А. М. Мазурицкий

Московский государственный лингвистический университет

Неизвестные судьбы: Д. Б. Марчуков – руководитель Государственного фонда литературы по восстановлению библиотек, разрушенных в годы Великой Отечественной войны

Подробно изложены ход и результаты многолетнего исследования, цель которого – раскрыть деятельность Государственного фонда литературы по восстановлению библиотек, разрушенных в годы Великой Отечественной войны. Отражены существенные трудности, связанные с розыском соответствующих документов в государственных архивах; рассказано о встречах и беседах с бывшими сотрудниками Госфонда. В результате изысканий удалось собрать сведения о жизни и деятельности Д. Б. Марчукова, которые полны тайн и загадок.

Статья подготовлена на основе лекции, представленной на Втором международном профессиональном форуме «Крым–2016».

Ключевые слова: Марчуков Д. Б., Государственный фонд литературы, Великая Отечественная война, Наркомпрос, восстановление библиотек.

UDC 02(470)(092)

Alexander Mazuritsky

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

An uncelebrated life: D. B. Marchukov, head of the State Literature Foundation for Revival of Libraries Destroyed During the Great Patriotic War (WWII)

The author discusses the findings of his long-time research aimed at revealing the work of the State Literature Foundation for Revival of Libraries Destroyed During the Great Patriotic War. He points to the difficulty he faced searching the national archives; reports on the meetings and talks with former GOSFOND (the national archive) officers. As a result of his research, the author compiled information on the life and work of D. B. Marchukov, full of mysteries.

The article is based on the lecture delivered at the Second World Professional Forum “Crimea-2016”.

Keywords: D. B. Marchukov, State Fund of Literature, Great Patriotic War, Narkompros (People’s Commissariat of Education), libraries recovery.

Russian public libraries have lost during World War II around 100 million volumes. Alongside with the mass destruction of our libraries, representatives of the German special forces, destroyed inventory books and catalogs. To restore libraries in February 1943, there was established State Literature Fund (Gosfond) and mr. David Marchuk, chief of education department of the Kirov city administration, former prisoner of Great Purge (1937 – 1939) was appointed the head. The goal was to collect 4 million volumes, and to support library services in the liberated areas. On the basis of regional and national libraries was established 35 branches of the organization. Through public participation and the heroic work of librarians, 10 million books have been collected by the end of the war. After the war, the Gosfond was engaged in the distribution of books taken out from Germany as compensation for our losses. The central administration received about 2 million books. Processing and selection has been very difficult, because of the small number of German-speaking employees, engaged in the selection and shipment of books from Germany to the USSR. In 1946, the Soviet Union received the books from the USA and in 1947 more than 58 thousand volumes were collected by British Library Association. By the end of the 1940s. the country exercised an ideological control hardened, new repressions began. Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU and Glavlit (censorship authority) started to check the use of captured literature. Among the books it was found "a significant number of Nazi publications", were found cards with the image of Hitler. At a secret meeting, held on 29 February. 1952, mr. Marchukov was accused in clogging libraries by "hostile literature", received from England. The secret report May 15, 1952 by mr. Yakovchuk from the 5th Authority of MGB. "They sending to libraries detected harmful books, and started on the path of anti-state activities. Marchukov was fired from a leaderships and a number of employees dismissed. In 1956 mr. Marchukov get a personal pension of the highest rank and in 1959 he got eternal rest at the prestigious Novo-Devic'e cemetery.

Эта история началась в далёком 1979 г., когда мне в руки впервые попала статья за подписью *Д. Б. Марчуков*, опубликованная в журнале «Библиотекарь» в 1946 г. В ней рассказывалось о деятельности Государственно-

го фонда литературы по восстановлению библиотек, разрушенных фашистами (далее – Госфонд). Страшные потери понесла библиотечная система СССР в годы Великой Отечественной войны: только массовые библиотеки страны утратили около 100 млн томов.

Для восстановления библиотек в феврале 1943 г. по решению ЦК ВКП(б) и был организован Госфонд, перед которым поставлена задача – собрать 4 млн томов, чтобы наладить библиотечное обслуживание в освобождённых районах. На базе областных и республиканских библиотек создали 35 филиалов этой организации, руководство которыми возложили на Управление Госфонда при Наркомпросе РСФСР. А поскольку деятельность этой организации выходила за пределы Российской Федерации, Управление наделили правами наркомата всесоюзного значения. Благодаря участию населения в организации помощи пострадавшим районам и героической работе библиотекарей, к концу войны было собрано 10 млн книг, которые помогли начать библиотечное обслуживание в освобождённых районах.

Первая неожиданность при поиске документов Госфонда ждала меня в Центральном государственном архиве Российской Федерации. В архивных описях Наркомпроса документы Госфонда не значились. В 1945 г. был организован Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР, которому из ведения Наркомпроса передали руководство библиотеками и культурно-просветительными учреждениями. Но и в архивных описях этой новой структуры интересующие меня документы не числились. Вызывало удивление, куда могли исчезнуть дела организации, имевшей полномочия наркомата всесоюзного значения?

Оставался другой путь поисков: искать тех, кто был связан с Госфондом или что-нибудь слышал о нём. И здесь мне помог мой научный руководитель Константин Иванович Абрамов. С его помощью удалось встретиться с Никандром Фёдоровичем Гавриловым, который в военное время был заместителем наркома просвещения. От него я получил много информации о работе Наркомпроса в те годы; рассказал он и о Госфонде.

Всё это было очень интересно, если бы не одно «но», чему вначале я не придавал особого значения. Когда зашла речь о Госфонде, создалось впечатление, что Никандр Фёдорович что-то недоговаривает. О его руководителе – Давиде Борисовиче Марчукове – он упоминал лишь вскользь. Причину отсутствия документов этой организации в архивах он мне объяснить не смог...

Положительным результатом было то, что мне дали координаты бывшего сотрудника Госфонда Михаила Васильевича Хмылова. От него я узнал некоторые подробности о деятельности Госфонда и кое-что о Д. Б. Марчукове. Оказывается, он был участником Гражданской войны, имел ранения. Был очень энергичным человеком, умелым организатором. И, пожалуй,

всё. О своём бывшем начальнике М. В. Хмылов говорил скупно и не очень охотно. Скажу откровенно, в тот момент я стремился узнать хоть что-нибудь о Госфонде как организации вообще и не уделял особого внимания поискам информации о его руководителе. Тем более, как в первом, так и во втором случае, о нём говорили не очень охотно.

Уже позже, в те же аспирантские годы во время поездки на конференцию в г. Пермь, в областном архиве мне удалось обнаружить документы филиала Госфонда, в которых была отражена его работа по сбору книг для пострадавших районов, хранилась переписка с центральным управлением этой организации. На многих документах, полученных филиалом из Москвы, стояла подпись Марчукова.

Скажу честно: тема восстановления библиотек, разрушенных фашистами, тогда интересовала меня постольку-поскольку. Я писал диссертацию о работе отечественных библиотек вообще, и восстановительные процессы являлись лишь небольшим сегментом моего исследования. Как сейчас жалею об этом! Ведь тогда, в начале 1980-х, были ещё живы многие свидетели этих событий, которых можно было отыскать и расспросить.

К теме Госфонда и его руководителя пришлось обратиться уже в другое время и в совершенно других обстоятельствах. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Германия стала предъявлять претензии к СССР, а затем к его правопреемнице – Российской Федерации на возвращение культурных ценностей, перемещённых на территорию нашей страны в качестве компенсации потерь в годы Великой Отечественной войны. Среди требований на возвращение оказались и книжные фонды. Прошёл целый ряд встреч с немецкими коллегами, на которых выяснилось: в отличие от них, мы мало что знаем о наших утратах. Причина была в том, что вместе с массовым уничтожением наших библиотек представители немецких спецподразделений, в чью компетенцию входила эта «деятельность», вывозили и уничтожали каталоги и инвентарные книги. Таким образом, в документах Чрезвычайной государственной комиссии по установке злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) фиксировалось только количество уничтоженных и вывезенных библиотечных книг. Для поисков это было малопригодно.

Встал вопрос о широкомасштабном поиске документов, относящихся к культурным утратам России в военное время. Имеющиеся данные свидетельствовали о том, что специалисты Госфонда выезжали в освобождённые районы, изучали сложившуюся там обстановку. Можно было предположить, что сведения в документах этой организации могли бы пролить боль-

ше света на качественный характер наших потерь.

К тому времени был рассекречен ряд документов Комитета по делам культурно-просветительных учреждений. Но знакомство с ними дало больше вопросов, чем ответов. Выяснилось, что после окончания войны Госфонд занимался распределением книг, поступивших из Германии в качестве компенсации наших утрат. В центральное управление поступило порядка 2 млн книг. Работа с ними была весьма затруднена. По причине малочисленности сотрудников (в том числе владеющих немецким языком), занимавшихся отбором и отправкой книг из Германии на территорию СССР, качественный отбор книг на месте провести не удалось. Эту работу пришлось проводить уже работникам Госфонда.

К концу 1940-х гг. работа органов, осуществлявших идеологический контроль, ужесточилась. Начиная набирать обороты маховик новых репрессий. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совместно с Главлитом приступило к проверке хранения и использования трофейной литературы. Среди книг было обнаружено «значительное число фашистских изданий»; выявлено около 300 тыс. книг, подлежащих уничтожению.

Весной 1952 г. была проведена проверка книг, которые Госфонд разослал по библиотекам. Об этом я узнал из протокола закрытого заседания Комитета по делам культурно-просветительных учреждений, состоявшегося 29 февр. 1952 г., когда с должности руководителя Госфонда был снят Д. Б. Марчуков и уволен ряд сотрудников этой организации.

Д. Б. Марчукова обвинили в том, что он способствовал засорению библиотек «враждебной литературой», поступившей из Англии в 1947 г., что хранит на складах Госфонда литературу, «являющуюся зловонным пасквилем на советское государство и большевистскую партию». Далее, на складе были обнаружены материалы Союза немецких инженеров, содержащие открытки с изображением Гитлера. И в этом также обвинили Д. Б. Марчукова (можно подумать, что он лично привёз эти книги из Германии!). Кроме того, была установлена «засылка» в Ченцовский сельский клуб Можайского района богословских и других идеологически вредных книг. (Вызывает сомнение, что Госфонд целенаправленно занимался комплектованием библиотек сельских клубов.)

Позволю себе некоторую справку относительно литературы из Англии, которая упомянута в протоколе заседания. В 1946 г. в СССР поступили книги, полученные от Американского комитета помощи России в войне. Из США к нам прибыло около 100 тыс. томов. Кроме того, в 1947 г. из Англии были получены книги, собранные в качестве помощи пострадавшим советским библиотекам. Это был знак уважения к тем утратам, которые понесли библиотеки нашей страны в военные годы. Более 58 тыс. томов со-

брала

Английская библиотечная ассоциация. На Госфонд была возложена миссия по распределению полученной литературы.

Результаты этой деятельности отражены в секретном донесении начальника 1-го отдела Комитета по делам культурно-просветительных учреждений Я. Яковчука в 3-й отдел 5-го управления МГБ СССР. Документ датирован 15 мая 1952 г. «Обнаружена засылка вредных книг. Бывшие цензоры Главлита, которые были привлечены в Госфонд, Девнер и Рудник, использовали своё служебное положение и стали на путь антигосударственной деятельности. Они сознательно ставили открытый штамп Мособлглавлита на пошлую литературу для распространения её по библиотекам страны. С целью засорения книжных фондов и продвижения англо-американской клеветы на советское государство и нашу родную большевистскую партию... Следовательно, госфондовцы открыто распространяли фашистскую литературу, которая была заслана в Советский Союз Английской библиотечной ассоциацией в Лондоне. На основании вышеизложенного прошу Вас расследовать и виновных лиц привлечь к ответственности».

Ещё раньше – 25 марта 1952 г. тем же Я. Яковчуком на тот же адрес были направлены материалы о связях Госфонда с Еврейским антифашистским комитетом. Ответственность за это была возложена на Д. Б. Марчукова. Его сняли с должности, уволили с работы и исключили из рядов ВКП(б). (Как впоследствии выяснилось, это было уже третье исключение Д. Б. Марчукова из партии, но об этом – позже.)

Не в этом ли была причина отсутствия документов Госфонда в архивном хранении? Я вспомнил о своих встречах в 1979 г. с очевидцами тех событий и понял, почему я наткнулся на стену, когда пытался узнать что-нибудь о судьбе Госфонда и его руководителя...

Из всего сказанного выше совершенно очевидно, что документы Госфонда мне и в тот раз обнаружить не удалось. И тогда я задался целью поиска информации о его руководителе – Давиде Борисовиче Марчукове. Судя по его статье в журнале, человек он был пишущий – а вдруг удастся обнаружить его записи, дневники, которые бы позволили получить какую-то дополнительную информацию о деятельности этой организации. И я начал искать.

Первые результаты привели к возникновению ещё большего числа вопросов. Из «Книги памяти жертв политических репрессий Кировской области» стало известно, что Д. Б. Марчуков – уроженец Новгород-Волынского района, местечка Корец, заведующий Кировским ОблОНО, житель г. Кирова, был арестован 3 дек. 1937 г. и осуждён 15 июня 1939 г. Военным трибуналом Урал ВО по статье 58 п. 8 УК РСФСР. Приговор – 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. 11 янв. 1940 г.

Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор, дело было прекращено, и обвиняемый был освобождён из-под стражи.

Таким образом, более двух лет объект моих поисков провёл в заключении, был приговорён и был оправдан. Я изучил обвинение: статья 58 устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность, параграф 8 обозначал организацию в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. Статья более чем серьёзная.

Сразу же возникал вопрос: каким образом «контрреволюционер», пусть даже и освобождённый после двух лет тюрьмы, вдруг «всплывает» в Москве, совсем рядом с руководителями высших органов советской власти, против которых он планировал свою «террористическую» деятельность? Да ещё оказывается на должности руководителя управления Наркомпроса, имеющего права наркомата всесоюзного значения.

Совместно с коллегами из ВГБИЛ им. М. И. Рудомино был подготовлен запрос в архив Кировской области. Ответ не заставил себя ждать. Дело Д. Б. Марчукова хранилось в документах архивного фонда «Уголовно-следственные материалы на лиц, подвергшихся политическим репрессиям и реабилитированных в установленном порядке, Управления Федеральной службы безопасности РФ по Кировской области». Всё было бы хорошо, если бы не одно «но». С этими документами могли ознакомиться либо родственники Д. Б. Марчукова, либо исследователи по истечении 75-летнего срока конфиденциальности материалов дела, который заканчивался в 2015 г. Приходилось ждать ещё несколько лет. И эта ниточка оборвалась.

Мои поиски продолжились совсем неожиданно. Время от времени я обращался к поисковым ресурсам интернета и вдруг получил следующую информацию. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде документов Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР хранится личное дело персонального пенсионера Марчукова Д. Б. Это было совсем неожиданно. Человек смог не только вторично пережить репрессии и гонения, но и стать персональным пенсионером!

Прекрасно помню утро последующего за находкой дня, когда я буквально летел в сторону архива. Накануне договорился с знакомыми архивистами о возможности просмотреть личное дело героя моих поисков. Помню и свой трепет перед раскрытием папки, хранившей историю судьбы человека, о котором, несмотря на все поиски, я практически ничего не знал.

Итак, Советом Министров СССР 18 апр. 1956 г. Д. Б. Марчукову была назначена персональная пенсия союзного значения. Подсчитываю: из Наркомпроса он был уволен в феврале 1952 г.; до смерти И. В. Сталина

оставался ещё год, и за этот период много чего неприятного могло случиться в жизни. Где Д. Б. Марчуков провёл почти четыре года? Это мне предстояло узнать. В найденных документах ничего не говорилось о том, подвергался ли он аресту. И тут мне становится известно, что после увольнения Д. Б. Марчуков стал нашим коллегой – библиотекарем 25-й районной библиотеки. А затем – учителем истории в одной из московских школ. Самой ценной находкой была его автобиография...

Кто же он был, Давид Борисович Марчуков, уроженец местечка Корец, 1895 г. рождения? Его отец был рабочим кожевенной промышленности. Прокормить большую семью из шести детей трудно, и тогда было принято решение перебраться в Одессу. В 1905 г., в дни революционных событий два брата Д. Б. Марчукова погибли. Ещё будучи учеником школы он начал подрабатывать в Одесском порту. После окончания школы работал в типографии. (Видимо оттуда и пошла его любовь к книгам и чтению, о чём расскажу позже.)

1916 г. принёс в жизнь Давида Борисовича много событий, среди которых были смерть отца, призыв в армию. В декабре 1916 г. в прифронтовом местечке Подгайцы в Галиции, не желая участвовать в войне, он вместе со своим другом солдатом Зерновым дезертировал из действующей армии и спрятался в г. Виннице. Здесь он поменял свою фамилию на Марчуков (оказалась, что его настоящая фамилия – Марчук). Однако и под новой фамилией ему опять пришлось участвовать в Первой мировой войне – теперь как нестроевому солдату-санитари. Оказавшись в г. Сумы, в октябре 1918 г. он вступил в Красную армию. На партийном собрании 15-го полка Заднепровской дивизии Марчукова приняли в партию. Весной 1919 г. дивизия вела тяжелейшие бои в Крыму на Ак-Монайском перешейке, где Давид Борисович получил тяжёлое ранение. Осенью 1919 г. он возвратился в армию и служил в 41-й дивизии, а потом в политотделе знаменитой 44-й дивизии, которой когда-то командовал легендарный Николай Александрович Щорс. В июне 1920 г. во время боёв за Каменец-Подольский Д. Б. Марчуков получил второе ранение.

После окончания Гражданской войны Д. Б. Марчуков продолжил свою службу в политотделе 44-й дивизии, потом стал начальником Житомирского окружного дома Красной армии, а затем – Киевского дома Красной армии. В 1924 г. он отказался выполнять приказ политуправления Украинского военного округа о переходе на вышестоящую работу, за что был исключён из рядов ВКП(б), но после апелляции восстановлен (это было его первое исключение из партии).

После демобилизации Д. Б. Марчуков учился на рабфаке, затем отправился в Москву и поступил в Академию коммунистического воспитания,

которую закончил в 1931 г. С 1930 по 1934 г. он работал в Наркомпросе. В декабре 1934 г. его направили в г. Киров – руководителем Областного отдела народного образования.

В анкете Давид Борисович ничего не пишет о своём аресте и освобождении. А дальше – интересно. Из анкеты, приложенной к автобиографии, следует, что в феврале 1940 г. он вернулся на работу в Наркомпрос. Напомним: в январе 1940 г. он был освобождён после более чем двухлетнего тюремного заключения. Не прошло и месяца после освобождения, как его назначили на должность заместителя начальника управления подготовки учителей. Как такое могло произойти? На этот вопрос, впрочем, как и на многие другие, связанные с судьбой Д. Б. Марчукова, по прошествии стольких лет мы вряд ли найдём ответы...

Что же повлияло на изменение приговора и освобождение Д. Б. Марчукова? Может, вмешательство кого-нибудь из бывших сослуживцев, занимающих высокие посты в Красной армии? На эту мысль меня натолкнул один из хранящихся в личном деле документов. Это – копия обложки рукописи, подготовленной к пятилетию создания Красной армии. На обложке были начертаны тёплые слова в адрес Давида Борисовича за подписью командира дивизии Казимира Францевича Квятека. К 1937 г. он занимал должность командующего Харьковским военным округом. Увы, но бывший легендарный комдив не смог помочь своему бойцу: оба оказались арестованными в декабре 1937 г. К. Ф. Квятек был обвинён в военном заговоре и в августе 1938 г. расстрелян.

Вполне возможно, что на освобождение Давида Борисовича повлияли другие обстоятельства. 9 ноября 1939 г. Л. П. Берия подписал приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», в котором содержалось требование освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране и установить строгий контроль над соблюдением всех уголовно-процессуальных норм.

Начался пересмотр дел, заведённых при Н. И. Ежове. Характерно то, что эта огромная работа была поручена не прокуратуре или суду, а именно НКВД под руководством Берии. Только за 1939 г. было выпущено на свободу 330 тыс. человек, и пересмотр дел продолжался.

В личном деле был указан адрес Д. Б. Марчукова и перечислены члены его семьи. Это вселяло надежду. Трижды я бродил по подъездам старого московского дома в Скатертном переулке, объясняя консьержам причины моих блужданий по этажам в поисках старожилов. После реконструкции квартира 56, в которой проживал Д. Б. Марчуков, не значилась, а старожилы дома не могли вспомнить ни его самого, ни членов его семьи. И эта ниточка оборвалась...

Но через несколько месяцев на мой очередной запрос в поисковой строке Яндекса я получил ответ: на одном из участков колумбария Новодевичьего кладбища захоронена урна с прахом Д. Б. Марчукова. Сообщалось о том, что он скончался в 1959 г. и похоронен как начальник отдела Наркомпроса, коим к тому времени он фактически не являлся. Когда же я нашёл захоронение Д. Б. Марчукова, то с удивлением обнаружил, что на мемориальной плите указан год его рождения – 1898. Но я же своими глазами видел: в автобиографии значился 1895 г. ...

Две очередные загадки. Каким образом обыкновенный учитель средней школы был захоронен на элитном кладбище, и почему есть разночтения в дате рождения? В конторе кладбища мне дали телефон родственников Давида Борисовича.

Казалось бы, надо было уже привыкнуть к этому: только-только начинает теплиться надежда найти какие-нибудь документы, связанные с работой Д. Б. Марчукова в Госфонде, и сразу же исчезает. Из беседы с его родственниками я понял, что ни о каких записях им неизвестно. Родной сын Д. Б. Марчукова, работавший в газете на Севере, давно умер, а приёмный сын, заслуженный лётчик, несколько лет был парализован – именно с его супругой мне и довелось беседовать. Она обещала попытаться узнать что-нибудь у немногочисленных родственников и знакомых, но, увы... В следующий раз на телефонный звонок мне ответила сиделка.

Но осталась одна зацепка. В 2015 г. истёк срок конфиденциальности личного дела Д. Б. Марчукова, хранящегося в Кировском областном архиве. С помощью замечательного человека – директора Кировской областной библиотеки Надежды Павловны Гурьяновой – мне удалось связаться с областным архивом. И вот у меня в руках дело заключённого Марчукова Давида Борисовича...

Утро 3 декабря 1937 г. для него началось неожиданно. Бюро Обкома ВКП(б) исключило его из партии. У выхода из Обкома его ждала машина начальника местного управления НКВД – капитана госбезопасности Леонида Петровича Газова, который предложил проехаться по детским домам с целью проверки проживания детей репрессированных родителей. Но конечный адрес поездки оказался другим: его увезли в управление, где он был арестован.

Никакого ордера на арест Д. Б. Марчукову не предъявили. На свой законный вопрос по этому поводу он получил ответ Л. П. Газова: лично секретарь ЦК Н. И. Ежов дал местным чекистам разрешение действовать по своему усмотрению. Д. Б. Марчуков был обвинён в участии в «заговоре правых».

Об этом так называемом заговоре надо сказать несколько слов. Как только в 1936 г. власть разделалась с левой оппозицией, она занялась правыми. Были арестованы Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. С. Енукидзе, затем настала очередь бывшего руководителя НКВД Генриха Ягоды.

Уже в начале 1937 г. Ежов, сменивший Ягodu на посту главы НКВД, докладывал Сталину о результатах расследования «заговора правых». Поиски врагов начались по всей стране. Был арестован целый ряд руководящих работников Кировской области. Из людей выбивали «показания», в результате список арестованных увеличивался, и новые арестованные давали «показания» на следующих.

Д. Б. Марчукова поставили в известность, что на него дала показания целая группа арестованных. В частности, бывший первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) А. Я. Столяр, бывший зам. председателя Кировского райисполкома П. К. Легконравов. Первый дал показания, что Марчуков поддерживал связь с бывшим наркомом просвещения А. С. Бубновым, который требовал от Марчукова «засорения кадров учителей Кировской области за счёт людей, исключённых из партии». Отмечалось, что Бубнов способствовал срыву школьного строительства в регионе. П. К. Легконравов показал, что в середине 1935 г. Д. Б. Марчуков включился в антисоветскую деятельность.

В деле имелся протокол обыска в кабинете и на квартире Д. Б. Марчукова, проведённого 3 дек. 1937 г. Составлена подробная опись его личной библиотеки; среди изъятых книг – произведения И. Тургенева, А. Пушкина, А. Чехова, М. Горького, Ч. Диккенса, Л. Фейхтвангера, Г. Флобера. В библиотеке оказалось много справочников. Бывшему типографскому рабочему удалось собрать довольно приличную по составу библиотеку.

Самое интересное, что в первоначальном протоколе ничего не говорилось об оружии. Пишу об этом потому, что в феврале 1938 г. вдруг появился дополнительный протокол, в котором сообщалось, что при аресте у Д. Б. Марчукова изъяли хранящийся у него без разрешения пистолет «браунинг».

Дело изначально не клеилось. Арестованный отказывался от всех обвинений в участии в контрреволюционной организации. Нужно было укрепить позиции следствия. И вот в деле появился многостраничный Акт специально созданной при Областном отделе народного образования комиссии по фактам «вредительской деятельности» Д. Б. Марчукова. Здесь можно было найти всё: и вредительство при аттестации педагогического состава, и срыв работы по ликвидации неграмотности и малограмотности. В документе говорилось о «недопустимом» отношении к детям, находящимся в дет-

ских домах. Из-за Марчукова дети должны были работать по три часа в мастерских, и это привело к тому, что «у воспитанников детских домов не оставалось времени на веселье, удовлетворение своих потребностей в области искусства, литературы, музыки и техники».

Особое недовольство вызвало личное участие Марчукова в сокращении количества изб-читален. (Как будто членам комиссии было невдомёк, что в тот период на смену избам-читальням стали приходиться сельские библиотеки.)

Если бы не трагические обстоятельства, текст этого «документа» мог вызвать только улыбку – из-за надуманности фактов и примитивности изложения. Однако для сфабрикованного дела пригодился и он.

Очень тяжело было читать протоколы допросов, в процессе которых Д. Б. Марчуков 37 раз подвергался пыткам... Давид Борисович продержался 11 месяцев. И только на допросе 25 ноября 1938 г. дал «признательные» показания: «После ареста я сделал попытку умолчать обо всём, но факты подрывной работы очевидны, и я решил рассказать правду. Я являюсь участником антисоветской организации правых, ведущих борьбу с партией и Советской властью».

Далее он указал, что был завербован в 1935 г. лично Павлом Константиновичем Легконравовым, бывшим заместителем председателя Кировского райисполкома. (П. К. Легконравов был арестован в апреле 1937 г. – ещё до ареста Д. Б. Марчукова. Его обвиняли как одного из активных организаторов «заговора правых». В июне 1938 г. он был расстрелян. Неизвестно, знал ли об этом Марчуков, но его «признательные» показания уже никому не угрожали. К слову сказать, А. Я. Столяр, давший показания против Давида Борисовича, арестован 3 июля 1938 г. и 27 июля того же года расстрелян.)

Д. Б. Марчуков «признался» в том, что занимался вредительской работой, ликвидируя избы-читальни. Надо отметить, что на этом допросе он назвал только тех людей, которые ранее дали на него показания. Никаких новых имён он не упоминал. Так что после того «признательного» допроса никаких новых арестов не последовало. После освобождения в письме в Кировский обком партии с просьбой о восстановлении в рядах ВКП(б) он объяснил свои «показания» болезнью – высокой температурой и полной потерей сил.

Самое интересное произошло дальше. Передохнув от пыток и окрепнув, на допросе 16 декабря того же года Д. Б. Марчуков отказался от предыдущих показаний и утверждал, что оговорил себя и все показания считает клеветой. Этой линии поведения он придерживался до самого суда. На суде, который состоялся 15 июня 1939 г., он также отрицал все обвине-

ния в свой адрес, и с него было снято обвинение во вредительстве в системе образования. Даже сторона обвинения признала более чем 60-страничный акт комиссии ОблОНО несостоятельным. Однако всего другого и так хватило на приговор – 10 лет отбывания наказания.

Спустя 7 месяцев – в январе 1940 г. – была рассмотрена кассационная жалоба Д. Б. Марчукова. В протоколе отмечено, что достаточных оснований для его ареста не было, так как все без исключения показания против него были добыты после его ареста. Также отмечено, что признательные показания, которые он дал на одном из допросов, были получены незаконными методами ведения следствия со стороны работников УНКВД. В итоге – отмена приговора и немедленное освобождение из-под стражи.

После освобождения 16 февраля 1940 г. в областной газете была опубликована информация о восстановлении Д. Б. Марчукова в рядах ВКП(б)...

Вот и перевернута последняя страница истории жизни Д. Б. Марчукова. Несмотря на кажущуюся необычность его биографии, во многом она типична для поколения, пережившего войны и репрессии. Хотя порой создаётся впечатление, что какой-то ангел-хранитель позволял герою моего повествования пережить самые тяжёлые периоды жизни. Вряд ли есть надежда на то, что нам удастся ответить на многие вопросы, связанные с его биографией. Вполне возможно, что это уже и не столь важно. Важно то, что это был достойный человек – организатор благородного дела восстановления отечественных библиотек, пострадавших от гитлеровской оккупации. И с этим делом он справился блестяще.

*Alexander Mazuritsky, Dr. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Moscow State Linguistic University;
mazuram@yandex.ru
38 Build. 1, Ostozhenka st., 119034 Moscow, Russia*